

... И снова кажется, что мы единственные евреи в этой стране. Потому что "еврей" исторически рифмуется со словом "изгой".

Чтобы эти грустные рифмы забыть, и был когда-то придуман сионизм - одна из самых простых идей на свете. Идея Еврейского Дома для тех, кто две тысячи лет скитался по чужбине. Для каждого, кто помнит и знает, что он еврей. Для нас с вами.

Наверное, как любая идея, она не могла целиком воплотиться в жизнь. Это свойство идей нам известно лучше, чем кому бы то ни было. Потому что мы уже наблюдали крушение империи, постросной на идее.

Но государство Израиль существует. И первый его закон называется Закон о Возвращении. Я пишу с большой буквы, потому что это великий Закон. Закон о праве изгоя на Возвращение Домой. Большинство евреев, живущих сейчас в Израиле, - это те, кто вернулся или их дети и внуки.

Но Дом вдруг оказался тесен для всех. Потому что израильское общество, как перенасыщенный раст-вор, перестало принимать новых возвращающихся. И последние уже не чувствуют себя хозяевами в своем Доме, они остаются на долгие годы теми, кто приехал. Они вживаются трудно, больно. Или не вживаются и уезжают. Кто по удачливее - в Штаты, в Канаду, остальные - обратно в Россию. В новые скитания.

Очередь у российского посольства в Тель-Авиве (и пусть это была бы даже не очередь, а десять, пять, один человек) могла бы стать поводом для отставки правительства сионистского государства. Поводом для поста, который

должны держать равнины в знак траура по неприкаянным еврейским душам, не нашедшим покоя в Еврейском Доме. Каждый человек, поднимающийся по трапу самолета, летящего обратно - это национальная трагедия Израйля.

В реальности этих людей стораются, как зачумленных. Ни один сионист не подает им руки. Они предатели, они рассчитывали на готовенькое, они ищут легкой жизни. Тем же словами нас провожали недавно из России.

тир и рабочих мест. От таких трудностей не уезжали евреи из своей страны и в худшие времена. Не уезжали от опасности и войны. Не уезжали от нехватки по безвозмудному соку, "Лебединому озеру", Невскому проспекту. Люди уезжают, потому что им не хватает уважения. В проклятом галуте мы привыкли к уважению, мы завоёвывали его дорогой ценой. Там нас уважали чужие, уважали равнодушные, уважали враги. Ненавидели и уважали. И евреи возвращаются в Россию, потому что

годов?

Многokrato воспеты подвиги защитников Израйля, строителей первых поселений, освителей Негева. В нашей стране всегда есть место подвигу. Но я хочу когда-нибудь написать о мужестве тех, кто приехал с последней "русской" альянса, оставляя самое необходимое, укладываясь и не укладываясь в несчастные 40 аэрофлотских килограммам, выгаскивая под бдительным взглядом таможенников "лишние" книги, одеяла, детские игрушки. О покор-ных выстаивающих полуднев-

тех, кому не хватило мужества?

Около года назад на нашей бывшей родине одна газета напечатала статью русского демократа Станкевича. Она называлась "Не уезжайте" или как-то похоже и обращалась к евреям, к той мощной волне большой альянса, которая обернулась для России большой эмиграцией. Не к физикам, инженерам, программистам, композиторам и прочему "интеллектуальному фонду". Просто к евреям. Без обещаний и укоров. Одна просьба: "Останьтесь, вы нужны России".

Ни один член правитель-ства, ни один лидер оппозиции, ни один общественный или религиозный деятель, ни один сионист не подошел к очереди у российского посольства со словами: "Останьтесь, вы нужны Израйлю". С этими людьми прощается банк "Идул" единственным вопросом: "Деньги вернули?"

Поэтому я хочу попрощаться с теми, кто уезжает от имени всех, кто остается. Нам нечего им обещать. Но я знаю, что равно или поздно государство, построенное на идее, развалится, как теремок, или мирно переродится в нормальный, человеческий Еврейский Дом. И тогда, очень нескоро, когда настанет наконец долгожданный "беседер", дети или внуки этих людей приедут в Израйль, где можно будет жить, не проявляя чудеса мужества и стойкости, где будет место и для слишком гордых и для слишком слабых. Для всех. Только такой Дом нужен евреям.

А сегодня, прощаясь с теми, кто возвращается в Россию, я прощаюсь с прекрасной и неосуществленной идеей сионизма.

Ирит МЕРКИНА

ПРОЩАНИЕ С СИОНИЗМОМ

Легкой жизни они ищут? И мы повторяем это вслед за уроженцами страны, где хлеб выбрасывают мешками, а дети безработных вору-ют нос от бананов? Легкой жизни - в голодной, разграбленной, злобной России (или Украине, Белоруссии, Молдавии), где цены растут не по дням, а по часам, где в одной столице в неделю происходит больше убийств, чем за год во всем Израйле? Легкой жизни - там, где продана квартира, розданы вещи, потеряна работа, разорваны связи? Где они снова будут стоять в очереди за прокисшим творогом, подниматься по грязным лестницам с выбитыми лампочками и рассказывать соседям, что такое авокадо... Снова им на дверях будут рисовать шестиконечную звезду и писать ругательства.

Уезжая в Израйль, они толком не знали, что их ждет. Возвращаясь в Россию - знают. И выбирают возвращение. Я пишу его с маленькой буквы. Это возвращение из Дома, где им не нашлось места.

И вовсе не потому, что не хватает дешевых квар-

тальных помещений, а потому, что общество "Память" уважает их больше, чем Сохнут.

Конечно, встречались израильяне, которые так помогали нам - и по долгу, и по движению души, - как не помогают нигде в мире. Но для тех, кто решил уехать, и это не перевесило чашу весов. Значит, было что-то серьезнее, чем чья-то доброта, чем льготы, суды и авокадо. Значит, что-то очень плохо в нашем единственном Доме. И кто бы тут ни был виноват - это позор. Позор стране, из которой бегут ее граждане. И нет оправданий. Да, уезжали слабые, неспособные, нетерпеливые. Но разве только терпеливый называется евреем? Разве мечта-тельные сионисты задумывали Дом только для сильных? Кто же теперь построит другой дом для слабых?

"Русским" ставится в вину то, что они сбежали из России, когда там стало плохо. Интересно, известна ли Израйлю массовая альянса, которая покидала страну, где было хорошо? Может быть, спасавшиеся от погромов в начале века? Или беженцы из Германии 30-х

годы? Многие очереди за тем, что им положено и обещано. О стариках, ожесточенно зубри-щих незнакомый язык. О доморожденных преподавателях, за гроши выучивших ивриту в Союзе сотни, тысячи (кто считал?) будущих олим, об учителях воскресных школ, научивших еврейских детей петь "А-Тикву". Обо всех этих самоотверженных, бесбре-менных, сумасшедших российских сионистах, выбирающих сейчас квартиры сионистов здешних. О родителях, жертвующих пособиями, чтобы дети учились в университете - потому что еврейский ребенок должен учиться, даже если в Израйле от страны забыли. О людях, отрывающихся от своей смехотворной "корзины", чтобы отправить продукты оставшимся в России родственникам. И утешающих друг друга "сволапугом" и "игье беседер", и повторяющих сквозь слезы: "Мы евреи, мы будем жить в Израйле". О мужестве никем не замеченном и не оцененном, о котором и не подозревают его обладатели.

Но отвернемся ли от

коллег. За популярностью не гнался, хотя выстав-лялся с молодых лет, в том числе и в Манеже. Первая же персональная выставка состоялась уже у нового репатрианта, через четыре месяца после приезда в Израйль. Художник представил посетителям серию картин "Апокалипсис" - пожалуй, самую крупную за годы своей жизни работу, сделанную почти целиком в России, в последний год перед отъездом. Выставка позволила говорить о Смахеве как о наиболее заметном явлении в культурной жизни Иерусалима. Минувший год прибавил к "багажу" Залмана еще три десятка картин. Столько за такой срок он не создавал никогда. Часть из них сегодня - в фойе гостиницы "Кинг Дэвид" (ул. Эмиль Бота, авт. 5,6,15,18,21,30). Здесь открылась вторая персональная выставка художника.

Яков ЗУБАРЕВ

ТАК ПРОСТО...

"Пейзажи Иерусалима" - так бесхитро, без намека на претензию назвал серию своих работ Залман Смахев.

Каждый день ходишь по этим узеньким, стиснутым невысокими зданиями улочкам, перескаешь неширокие тротуары, теряешься порой в маленьких проулках и вдруг... Тебя окружают со всех сторон вышуклые детали этой улицы, а в непри-метной прежде стене знакомого дома видишь чудо архитектуры и красоты. Вроде бы ничего нового не придумал автор, взяв в союзнки игру света и тени. Но разве о технике думаешь, когда видишь ставшие новыми страницы древнего города? Мастерство Смахова, наверное, в том и проявилось, что он ушел от фотографического копирования знакомых нам мест и сконцентрировал свое - и наше - внимание именно на мелочах, которые обыч-

ному взгляду подчас и незаметны. Вот большой цветочный куст, свисающий по всей стене жилого дома. И подглядел художник интереснейшую деталь: растут на одной ветви розовые, белые, красные цветы.

Мальчик, читающий Тору перед зданием ешивы. Здание не на переднем плане, за площадью, покрытой камнем; но четко выписаны ажурные ворота, вечерние тени, скользкие по выпуклостям каменной стены, приближают к нам дом, открывают красоту каждой его детали. И окошко, за которым не видно света, не зянет пустой чернотой - отражается в нем синь прекрасного иерусалимского неба.

Говорят, архитектура больше всего отражает культуру времени. Именно это и доказывает художник своим талантом. Он не просто любуется тем, что видит, вглядывается в то,

что неприметно с первого взгляда, а дарит нам неброскую, но шмяющую красоту, которую нельзя забыть.

Фото: Г. ГЕЛЬБАНД